



Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

В героическом 1917 году

На маленькой станции Разлив ребята вышли из вагонов и направились за учителем. Онишли по тропинке — болотом и перелесками. Вот вышли они на заросшую травой поляну. На поляне — гранитный памятник.

— Здесь, — сказал учитель, — на этой поляне, на этом месте, стоял летом 1917 года сплетённый из ветвей шалаш, в котором скрывался Владимир Ильич Ленин...

Враги народа — буржуи и помещики — хотели убить Ильича. Но товарищ Сталин и его

соратники надёжно укрыли вождя революции. Иосиф Виссарионович проводил Ленина к Финляндскому вокзалу и не ушёл, пока поезд не скрылся из виду. А потом верные люди глухими дорожками, через топи и болота привели Ильича на эту поляну.

Сюда приезжали за ленинскими указаниями посланцы от товарища Сталина. Они рассказывали Владимиру Ильичу, что происходит в стране, как партия большевиков готовит рабочих и беднейших крестьян к вооружённому восстанию.

ЗАВТРА В КЛАСС

Стало вдруг светлее вдвое.
Двор, как в солнечных лучах —
Это платье золотое
У берёзы на плечах.
У калины и рябины
Вьются чёрные дрозды.
Под окошком георгины
Красотой своей горды.
И встречает песней вечер
Невидимка-прыгунок.
Это ты, скрипач-кузнецик,
Две пружинки вместо ног?
Мы с Дружком во двор идём, —
Листья сыплются дождём.
Под ногами шелестят
И летят, летят, летят...
Пролетают паутинки
С паучками в серединке.
И высоко от земли
Пролетели журавли.
Всё летит! Должно быть, это
Улетает наше лето?
Мы давно пересмотрели
Все листки в календаре.
Мы считали дни, недели —
Нам учиться в сентябре!
Наконец-то, в первый раз
Побежим мы завтра в класс!

Е. Трутнева



РАЗГОВОР В ПАРАДНОМ ПОДЪЕЗДЕ

Быль-небылица

Шли пионеры вчетвером
В одно из воскресений,
Как вдруг вдали ударил гром
И хлынул дождь весенний.

От градин, падавших с небес,
От молний и грома
Ушли ребята под навес—
В подъезд чужого дома.

Они сидели у дверей
В прохладе и смотрели,
Как два потока всё быстрей
Бежали по панели,

Как забурлила в желобах
Вода, сбегая с крыши,
Как посерели на столбах
Вчерашие афиши.

Вошли в подъезд два маляра,
Встряхнувшись, точно утки,—
Как будто кто-то из ведра
Их окатил для шутки.

Вошёл старик, очки протёр,
Запасся папиросой
И начал долгий разговор
С короткого вопроса:

— Вы, верно, жители Москвы?
— Да, здешние,— с Арбата.
— Ну, так не скажете ли вы,
Чей это дом, ребята?

— Чей это дом? Который дом?
— А тот, где надпись „Гастроном“
И на стене газета?

— Ничей, — ответил пионер.
Другой сказал:— СССР.
А третий:— Моссовета.

Старик подумал, покурил
И, не спеша, заговорил:

— Была владелицей его
До вашего рожденья
Адель Петровна Хитрово.

Спросили мальчики:— Чего?
Что это значит — Хитрово?
Какое учрежденье?

— Не учрежденье, а лицо!—
Сказал невозмутимо
Старик и выпустил кольцо
Махорочного дыма.

— Дочь камергера Хитрово
Была хозяйкой дома.
Его не знал я самого,
А дочка мнё знакома.

К подъезду не пускали нас,
Но озорные дети
С домовладелицей не раз
Проехались в карете.

Не на подушках, рядом с ней,
А сзади — на запятках.
Гонял оттуда нас лакей
В цилиндре и в перчатках.

— Что значит, дедушка, лакей? —
Спросил один из малышей.

— А что такое камергер? —
Спросил постарше пионер.

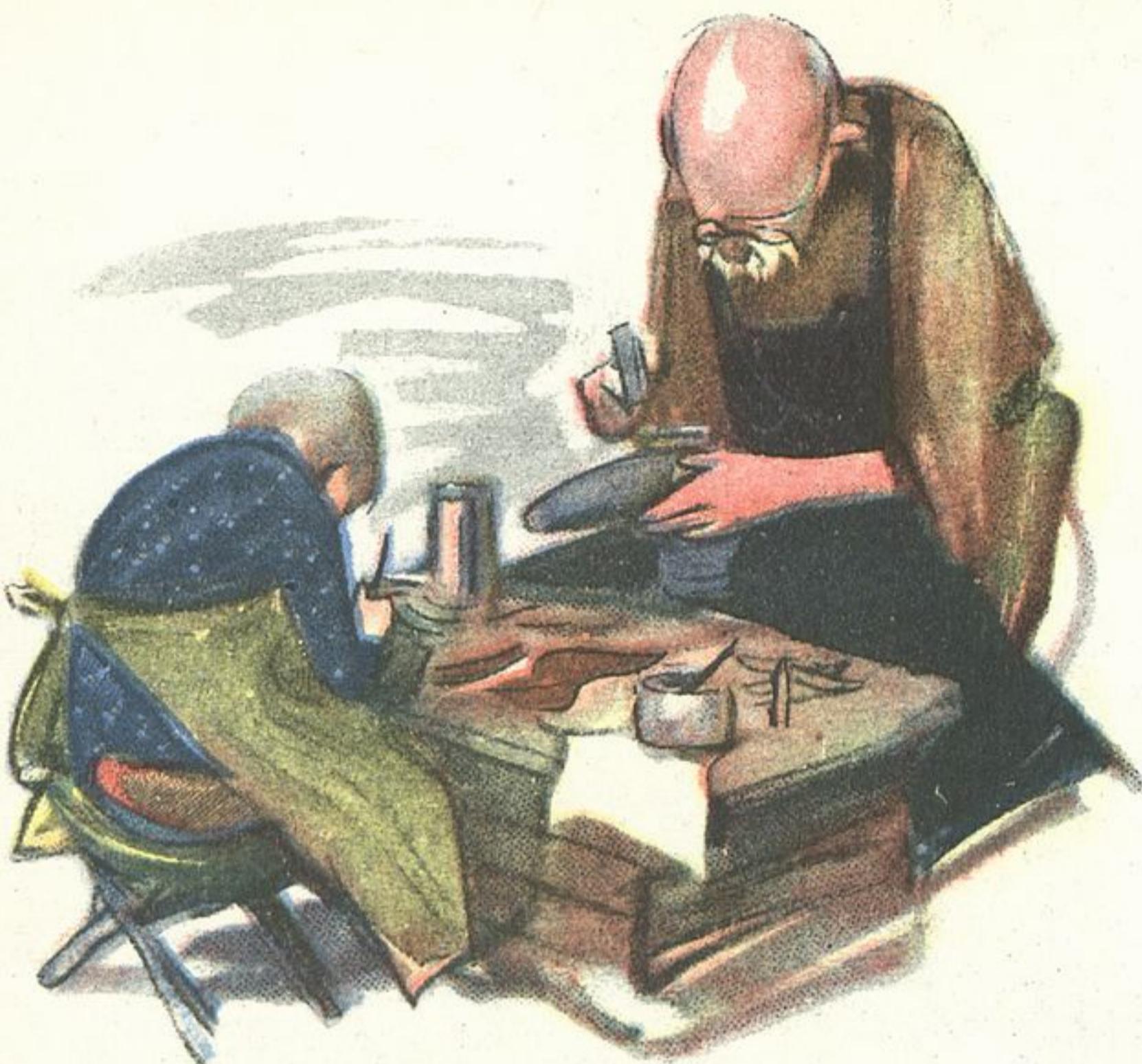
— Лакей господским был слугой,
А камергер — вельможей.
Но тот, ребята, и другой —
Почти одно и то же.

У них различье только в том,
Что первый был в ливрее,
Второй — в мундире золотом,
С „Владимиром“ на шее.

— Зачем он, дедушка, носил
Владимира на шее? —
Один из мальчиков спросил.
Смузаясь и краснея.

— Не понимаешь? Вот чудак!
„Владимир“ был отличья знак.
„Андрей“, „Владимир“, „Анна“ —
Так назывались ордена
В России в эти времена.
Сказали дети: — Странно!





А были, дедушка, у вас
Медали с орденами?

— Нет, я гусей в то время пас
В деревне под Ромнами.
Мой дед привёз меня в Москву
И здесь пристроил к мастерству.
За это не медали,
А тумаки давали!..

Тут грозный громовой удар
Сорвался с небосвода.

— Ну и гремит! — сказал маляр.
Другой сказал: — Природа!..

Старик подумал, покурил
И, помолчав, заговорил:

— Итак, опять же про него,
Про господина Хитрово.

Он был первейшим богачом
И дочери в наследство
Оставил свой московский дом,
Имения и средства.

— Но неужель жила она
До революции одна
В семиэтажном доме,
В авторемонтной мастерской,
И в парикмахерской мужской,
И даже в „Гастрономе“?

— Нет, наша барыня жила
Не здесь, а за границей.
Она полвека провела
В Париже или в Ницце,
А свой семиэтажный дом
Сдавала выгодно внаём.

Мой дед арендовал
Подвал.
Служил он у хозяев.
А в „Гастрономе“ торговал
Тит Титыч Разуваев.

Он приезжал на рысаке
К семи часам — не позже
И сам держал в одной руке
Натянутые вожжи.

Имел он знатный капитал
И дом на Маросейке,
Но сам за кассою считал
Потёртые қопейки.

— А чаем торговал Перлов,
Фамильным и цветочным! —
Сказал один из маляров.
Другой ответил: — Точно!

— Конфеты были Ландрина,
А спички были Лапшина,
А банею торговой
Владели Сандуновы.

Купец Багров имел затон
И рыбные заводы.
Гонял до Астрахани он
По Волге пароходы.

Он не ходил, купец Багров,
На этих пароходах,
И не ловил он осетров
В привольных волжских водах.



Зато подсчитывал доход
От всей своей флотилии
И самый крупный пароход
Назвал своей фамилией.

На белых вёдрах вдоль бортов,
На каждой их семёрке,
Была фамилия „Багров“ —
По букве на ведёрке.

— Тут что-то, дедушка, не так.
Нет буквы для седьмого!
— А вы забыли твёрдый знак! —
Сказал стариk сурово. —

Два знака в вашем букваре.
Теперь не в моде твёрдый.
А был в ходу он при царе,
И у Багрова на ведре
Он красовался гордо.

Была когда-то буква „ять“ ...
Но это — только к слову.
Вернуться надо нам опять
К покойному Багрову.

Скончался он в холерный год,
Хоть крепкой был породы.
А дети продали завод,
Затон и пароходы.

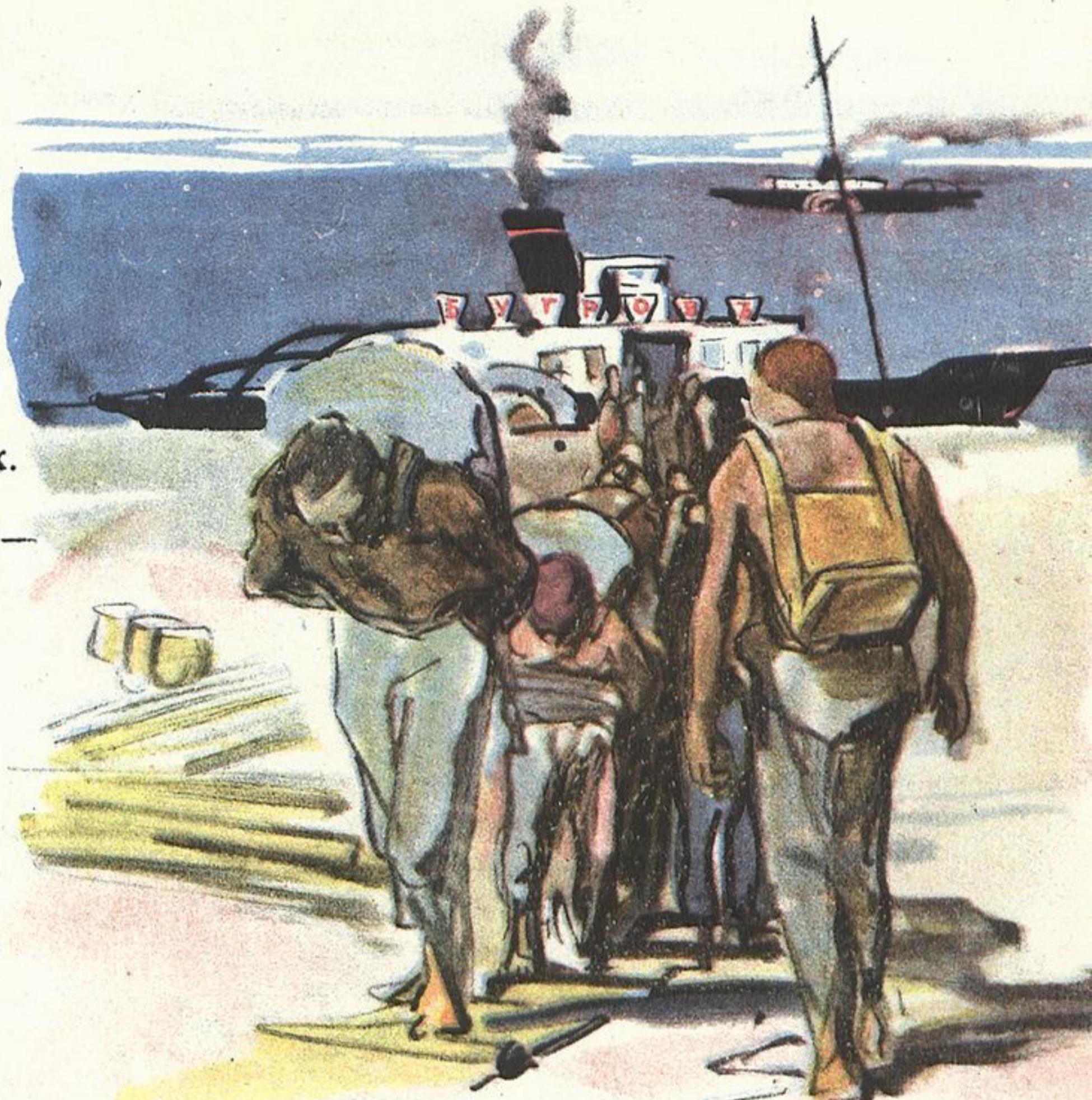
— Да что вы, дедушка! Завод
Нельзя продать на рынке.
Завод — не кресло, не комод,
Не шляпа, не ботинки!

— Владелец волен был продать
Завод кому угодно,
И даже в карты проиграть
Он мог его свободно.

Всё продавали господа:
Дома, леса, усадьбы,
Дороги, рельсы, поезда, —
Лишь выгодно продать бы.

Принадлежал иной завод
Какой-нибудь компании:
На Каме трудится народ,
А весь доход — в Германии!

Не знали мы, рабочий люд,
Кому копили средства.
Мы знали с детства только труд
И не видали детства.



Нам в этот сад закрыт был вход.
Цвели в нём розы, лилии.
Он был усадьбою господ —
Не помню по фамилии.

Сад охраняли сторожа,
И редко — только летом —
В саду гуляла госпожа
С племянником-кадетом.

Румяный маленький кадет,
Как офицерик, был одет
И хвастал перед нами
Мундиром с галунами.

Мне нынче вспомнился барчук,
Хорошенький кадетик,
Когда суворовец — мой внук —
Прислал мне свой портретик.

Ну, мой скромнее не в пример,
Растёт не по-кадетски.
Он тоже будет офицер,
Но офицер советский.



— А может, выйдет генерал,
Коль учится примерно! —
Один из мальчиков сказал.
Другой сказал: — Наверно!

— А сами, дедушка, в какой
Вы обучались школе?
— В какой?
В сапожной мастерской
Сучил я дратву день-деньской
И натирал мозоли.

Я проходил свой первый класс,
Когда гусей в деревне пас.

Второй — в столице я кончал,
Когда кроил я стельки
И дочь хозяйствскую качал
В скрипучей колыбельке.

Потом на фабрику пошёл
И кончил забастовкой.
И уж последнюю из школ
Прошёл я под винтовкой.

Так я учился при царе,
Как большинство народа,
И сдал экзамен в Октябре
Семнадцатого года!

Нет среди вас ни одного,
Кто знал во время оно
Дом камергера Хитрова
Или завод Гужона...

Да, изменился белый свет
За эти три десятка лет.

Мы прожили недаром.
Хоть нелегко бывает нам,
Идём мы к новым временам
И не вернёмся к старым.

Я не учён. Зато мой внук
Проходит полный курс наук!

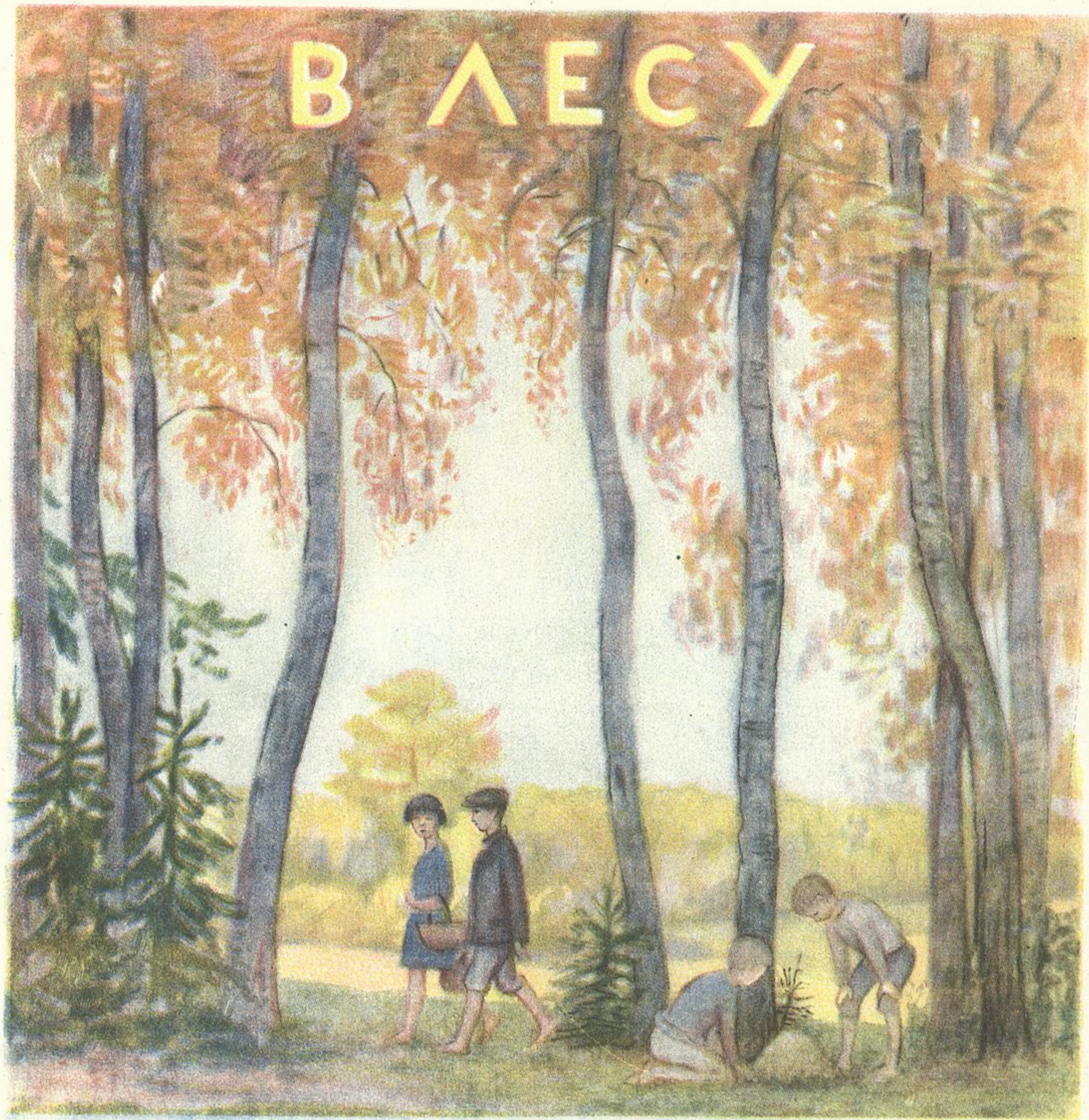
Не забывает он меня
И вот что пишет деду:
„Пред лагерями на три дня
Гостить к тебе приеду.

С тобой ловить мы будем щук,
Вдвоём поедем в Химки”.
Вот он, суворовец, — мой внук
С товарищем на снимке!..

Прошибла старика слеза.
И словно каплей этой
Внезапно кончилась гроза.
И солнце хлынуло в глаза
Струёй горячей света.



В ЛЕСУ



И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

Когда по берёзовым опушкам ковром высыпает Иван-да-Марья, ступай с туеском за грибами. Сухо в лесу. Залепляя глаза, садится на лицо паутина.

В траве по опушкам сидят крепкие боровики, розовеют под опавшим листом мокрые сыроежки, краснеют по кочкам важные мухоморы, и, словно малые ребята,

толпятся черноголовые подберёзовики.

Между белыми стволами берёз растёт молодой ельник-подсед, и чем глубже в лес, тем чаще муравьиные высокие кучки.

Звонко стучит по сухому дереву дятел. Свежо в лесу и пахуче. И так покосен воздух, что долго и тихо, кружась в нём, падает на землю сухой жёлтый листочек.

Рис. М. РОДИОНОВА

Кутузов на Бородинском поле

135 лет назад, 7 сентября 1812 года, произошло знаменитое Бородинское сражение между французской и русской армиями. Это была великая битва русского народа за Москву, за родную свою землю.

Когда жарким июньским днём громадная вражеская армия перешла русскую границу, две небольшие русские армии — Барклай де Толли и Багратиона — были вынуждены отойти в глубь России. В Москве, в Петербурге, в армии открыто заговорили: „Вот бы Кутузова назначить командующим! Этот бы показал французу!“ Императору Александру, ненавидевшему Кутузова, пришлось согласиться с общим желанием. Кутузов стал главнокомандующим русской армии.

Французский император Наполеон очень хотел дать русским решительное сражение. Он не сомневался в победе и надеялся, что после боя под Москвой Россия запросит мира.

Кутузов понимал, что французы были всё же слишком сильны и выгоднее было подождать давать решительный бой. Отступая, Кутузов видел, как в народе росло желание броситься на захватчиков родной русской земли.

И, наконец, Кутузов дал Наполеону решающий бой на полях у села Бородино, в 122 километрах от Москвы. Русская армия по числу солдат тогда была меньше французской армии.

Сражение началось в шесть часов утра наступлением французов на русские войска, которыми командовал Багратион. 300 французских орудий били по его укреплениям. Дивизия за дивизией колоннами шли в атаку на наши укрепления. За атакующей пехотой скакали полки лёгкой и тяжёлой конницы, сверкая золотом на мундирах и сталью обнажённых сабель. Били барабаны, играли горны, разевались знамёна.

Русские укрепления сверкали огнём и окружались пороховым дымом. Пот градом катился по лицам артиллеристов. Защитники сомкнутыми рядами встречали

атакующих, сбрасывали их в рвы, ходили в контратаки.

Час... Второй... Третий...

Наполеон ужасался, видя, как бегут назад его прославленные дивизии. Но он приказывал вновь и вновь идти в атаку.

И в центре поля, где на кургане расположилась батарея Раевского, была та же картина. Волны французов с шумом набегали и разбивались о русские полки.

Кутузов находился на командном пункте, у деревни Горки. Он спокойно всматривался в движения войск. Для него уже давно прошло время, когда он в самой гуще боя мог мчаться вперёд с обнажённой шпагой. Теперь надо было управлять передвигающимися и стреляющими людьми.

Кутузов по передвижениям войск, по шумам боя, по лицам солдат и офицеров знал о действительном положении войск на поле сражения. Он подзывал одного из адъютантов, тихо отдавал распоряжение, — и к опасному месту, куда нацеливался ударить Наполеон, шла подмога уставшим бойцам.

Почти весь день Наполеон атаковал русскую армию, но и в конце дня ему докладывали: „Русские стоят“.

К вечеру укрепления перестали быть укреплениями. Рвы заполнились телами убитых, валы осыпались в сутолоке смертельных рукопашных схваток.

И к ночи Наполеон отвёл остатки своей армии с поля боя. Наполеон не добился победы. Но он ещё не понял, что проиграл войну.

А Кутузов... Кутузов сказал: „Великий подвиг в сей день совершён нашим солдатом. Мы победили несломленным духом войска российского“.

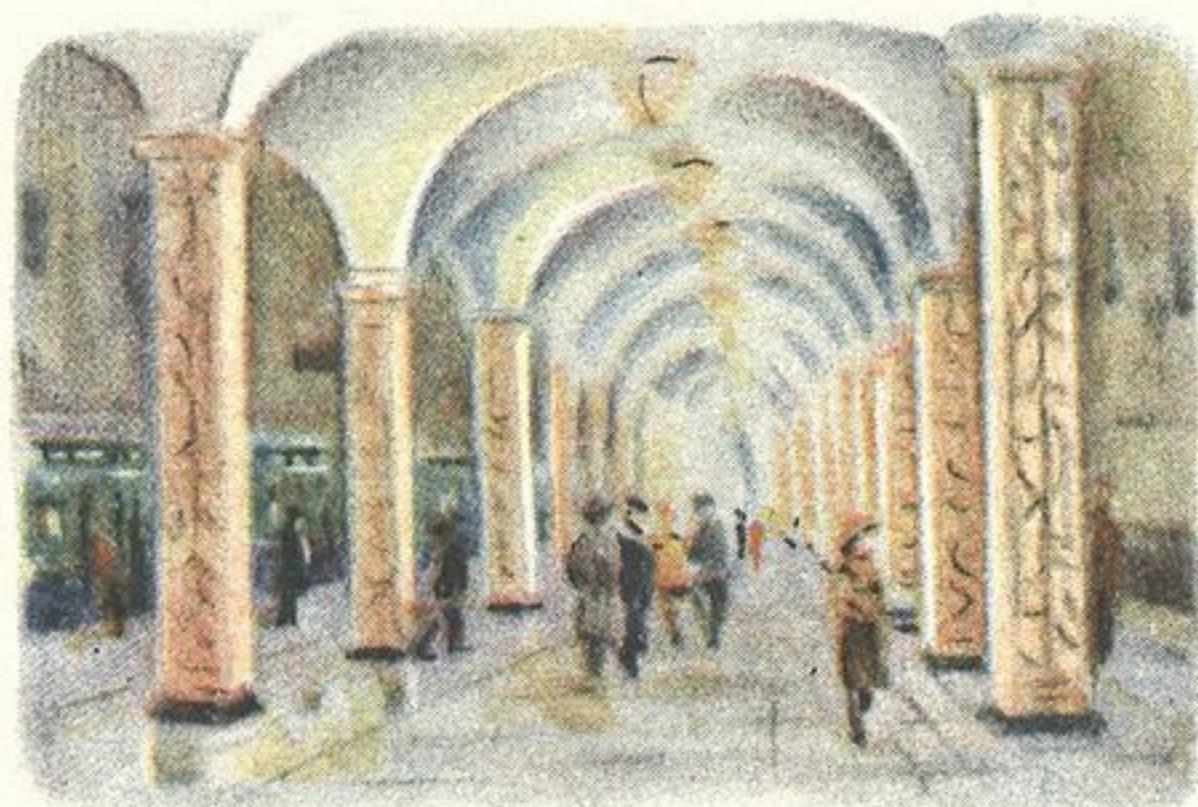
И он был прав. На Бородинском поле русский народ не только отстоял свою родину, — он пролил кровь и за освобождение народов Европы.

И здесь, в Бородинском сражении, русский полководец Кутузов оказался искуснее прославленного Наполеона.

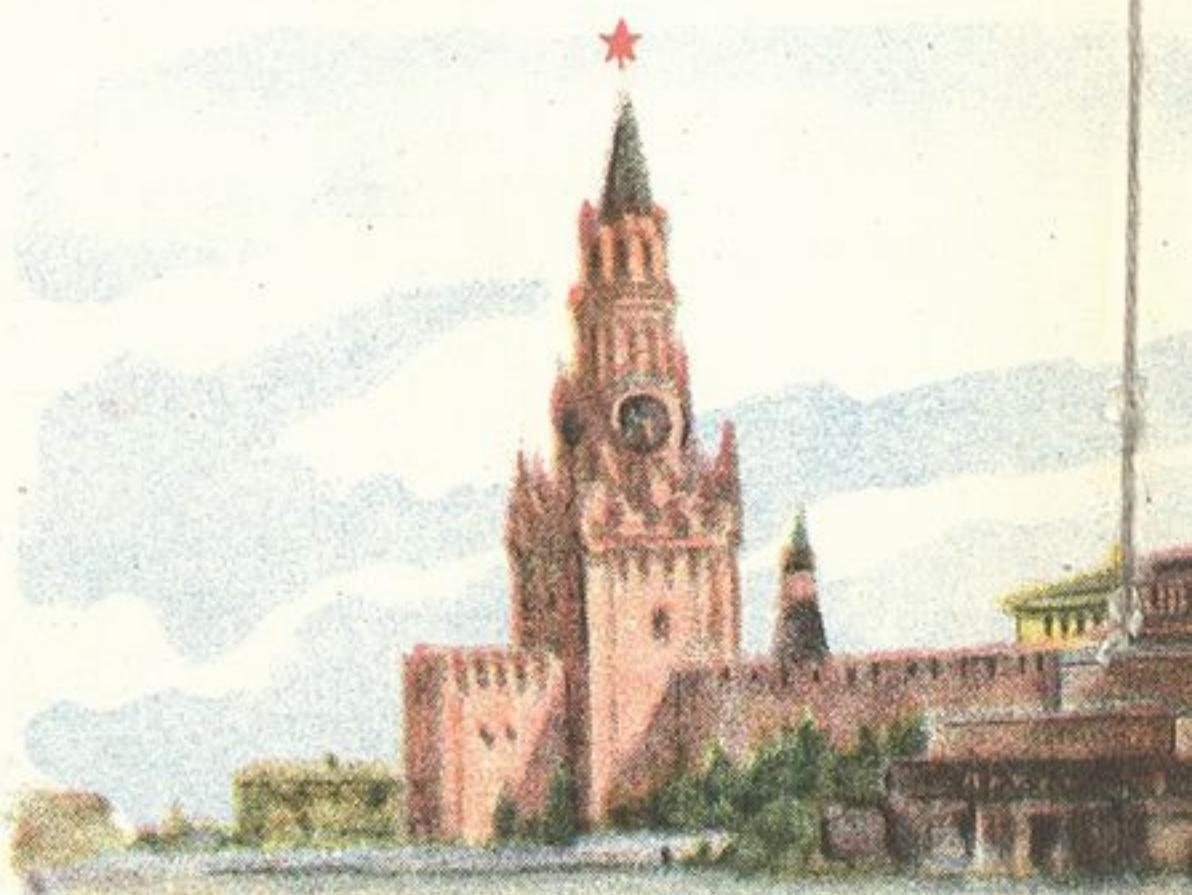


Михаил Илларионович Кутузов.

1147. СТОЛИЦЕ НАШЕЙ РОДИ



Станция метро „Завод имени Сталина“



Дом Совета Министров СССР



Концертный зал имени П. И. Чайковского

НАША

Славен город наших дедов,
В жизни многое изведав,
Много войн и много бед,
Много радостных побед.
И над всеми временами
Древний Кремль, хранимый нами,
Нас хранит из года в год,
Наша гордость и оплот.
Ну-ка, снимем шапки, братцы,
Да поклонимся Кремлю.
Это он помог собраться
Городам в одну семью.
Это он всем нам наславу
Создал русскую державу.

Времена теперь другие,
Как и мысли и дела.

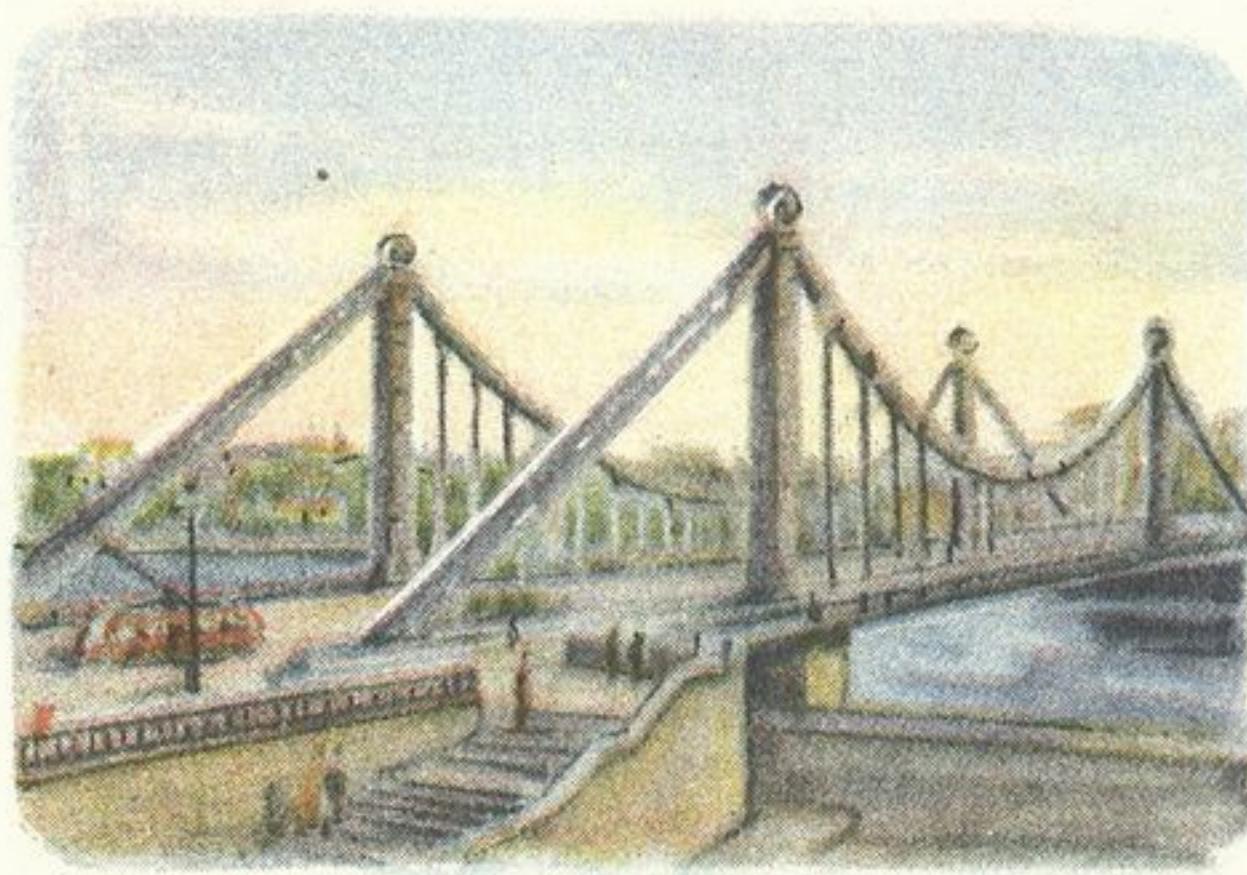
7 сентября 1947 года народно-культурно отметили 800-летие города Советского Союза.

Москва бесконечно священна.
С надеждой смотрят на неё трое
как на светоч всего мира.

По сталинскому плану дрезни
цветущим социалистическим го-

Слава Москве — городу, где
трудится наш вождь и отец — л

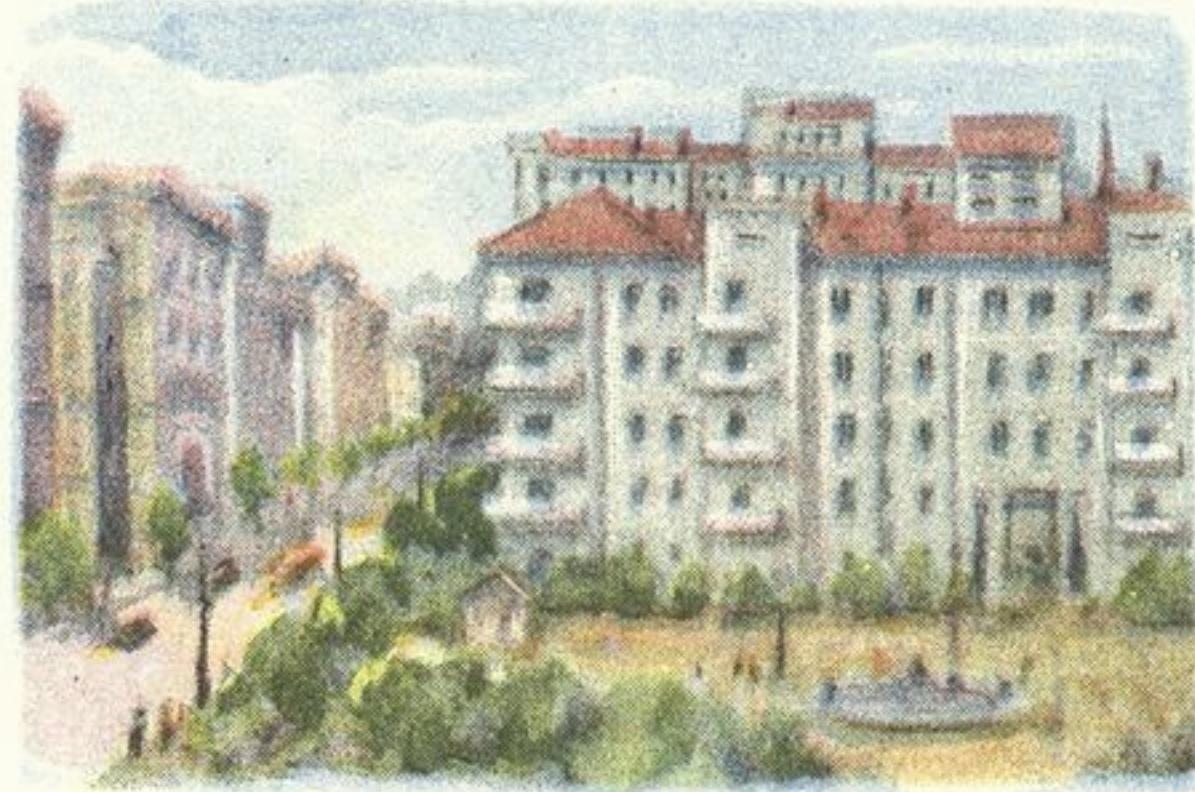
РОДИНЫ МОСКВЕ—800 ЛЕТ 1947г.



Крымский мост

МОСКВА

Далеко ушла Россия
От страны, какой была.
Там, где хижины стояли,—
Там дома под небеса.
Наши предки б увидали:
„Вот, — сказали б, — чудеса!“
Возят нас теперь моторы
Под землёй и над землёй.
Ночью свет в Москве, который
Гаснет с утренней зарёй.
В наших школах в наше время
Обучают всех ребят,
И над нами надо всеми
Звёзды алые горят.
А горят они ночами
Под родными небесами,
Над кремлёвскою стеной,
Над Советской страной.



Рабочий посёлок



Ордена Ленина Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Роды нашей родины торжества
Москвы—великой столицы

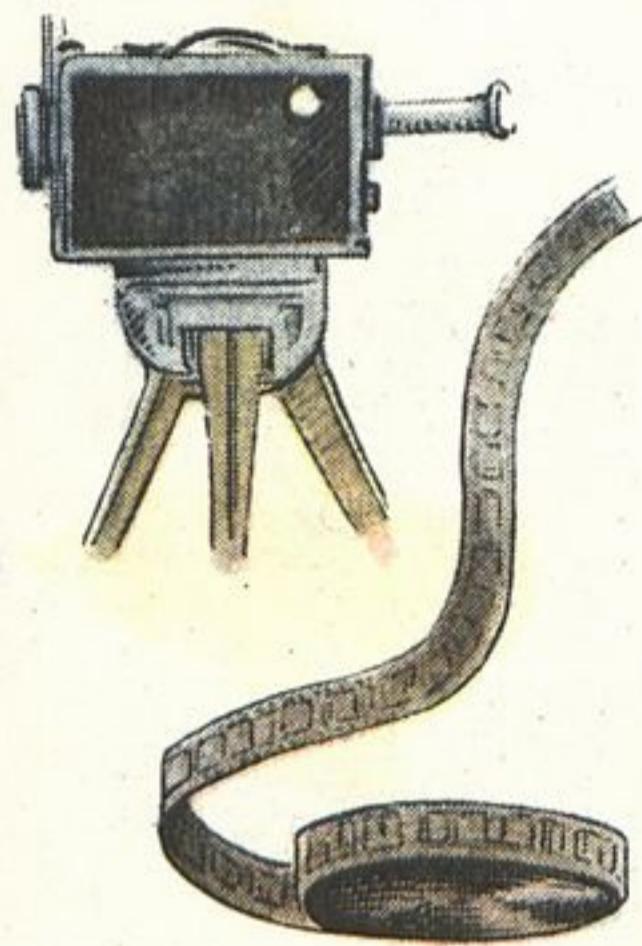
на и дорога советским людям!
Будущиеся зарубежных стран,

я Москва обновлена и стала
городом.

жил бессмертный Ленин, где
любимый Сталин!

Рис. Б. ВИНОКУРОВА

Как Маруся первый раз пришла в школу



Возле школы стоит маленькая девочка. Подмышкой у неё свёрток. С глубоким интересом разглядывает девочка школу. Наконец она храбро входит в дверь... Так начинается рассказ о первокласснице Марусе Орловой, написанный для кино писателем Евгением Шварцем.

Уже начались по этому рассказу съёмки кинофильма. Он так и будет называться — „Первоклассница“.

В нём участвует много девочек, целый класс — 30 человек. Чтобы отобрать их для съёмки,

режиссёру кинокартини Илье Фрэзу пришлось посмотреть десятки школ, познакомиться с ученицами многих первых классов, пока он не выбрал тех девочек, которые подходят для съёмки.

Шаг за шагом расскажет картина о приключениях Маруси, о её счастливых и неудачных днях, о том, как Маруся получила первую отметку, как первый раз дежурила, как пропала и нашлась.

Здесь вы прочитаете, как она первый раз пришла в школу.

Большая пустая комната. Пол закапан известью и краской. Маруся входит и видит: высоко на козлах стоит маляр — старичик в очках. Напевая что-то, он красит оконную раму.

— Здравствуйте! — говорит девочка.

— Здравствуйте, гражданичка! — отвечает маляр.

— Скажите, пожалуйста, что эта школа ещё не готова?

— На девяносто девять процентов готова.

— На сколько?

— На девяносто девять.

Маруся молчит, видимо, что-то соображая.

— А это много или мало? — спрашивает она наконец.

— Порядочно, — говорит маляр. — А зачем тебе знать, насколько готова школа?

— А вдруг она не откроется первого сентября?

— Что ты, что ты! — пугается маляр. — Мы своё дело сделаем. Мы понимаем, что это за день — первое сентября!

— Вот хорошо! Скажите, а в какой комнате записывают в первый класс? — спрашивает Маруся.

— В тридцать восьмой, — отвечает маляр.

— А какая она?

— Кто она?

— Тридцать восьмая комната.

— Как тебе сказать... Ну, тридцать восьмая и есть тридцать восьмая. А, понимаю! Ты цифр не знаешь?

— Нет, знаю. Знаю ноль. Один. Ещё знаю шесть. Девять помню. А вот тридцать восемь забыла.

— Понятно, — говорит ма-

ляр.— Ну, тогда пойди ты в коридор и гляди. Из какой комнаты будут выходить маленькие девочки — там и записывают. Поняла?

Маруся входит в очень интересную комнату. Вначале у неё разбегаются глаза.

Прежде всего её внимание привлекает форменное пластище — коричневое с белым воротничком и чёрным передником.

На витрине — учебники для первого класса. Ручка, карандаши, тетради. Всё это нужно принести первокласснику с собой в школу в первый день занятий.

За столом против двери сидит женщина. Наверное, учительница!

— Здравствуйте, тётя! — говорит ей Маруся.

— Меня зовут Анна Ивановна, — отвечает учительница.

— Здравствуйте, Анна Ивановна, — поправляется Маруся. — Вы учительница?

— Да. А ты кто?

— Я — Маруся Орлова.

— Зачем пришла?

— В школу записаться.

— А почему ты пришла одна, без мамы?

— Мама не может. Вчера обещала пойти, а сегодня говорит: „Подожди до завтра“.

— А ты ждать не любишь? — спрашивает учительница.

— Все девочки нашего двора записались уже, — объясняет Маруся, — а маме всё некогда. Тогда я сама пошла. Я документы привнесла.

— Какие?

— Все!

Маруся кладёт на стол завёрнутый в газету свёрток.

— А где ты их взяла? — удивляется учительница.

— В комоде, в маленьком ящичке. Вы, какие нужно, возьмите. А какие не нужно — отнесу домой.

Маруся разворачивает свёрток и показывает учительнице документы.

— Это бабушкин паспорт, — объясняет девочка. — А это квитанции за телефон. А эта, синенькая, — за квартиру. А это — Военный заем. А это — письмо от папы. Он лётчик. Он сейчас улетел в Заполярье. А здесь, в конверте, мои волосы, когда мне был один годик. Это орденские книжки — мамины. Моя мама — доктор, а во время войны была капитан медицинской службы. А это — моя фотография, когда мне было два месяца.

— Достаточно. Хорошо, — говорит Анна Ивановна и вновь завёртывает в газету документы. — Ты, значит, очень хочешь учиться?

— Очень! — подтверждает девочка с жаром.

— А что ты умеешь делать? Читать умеешь?

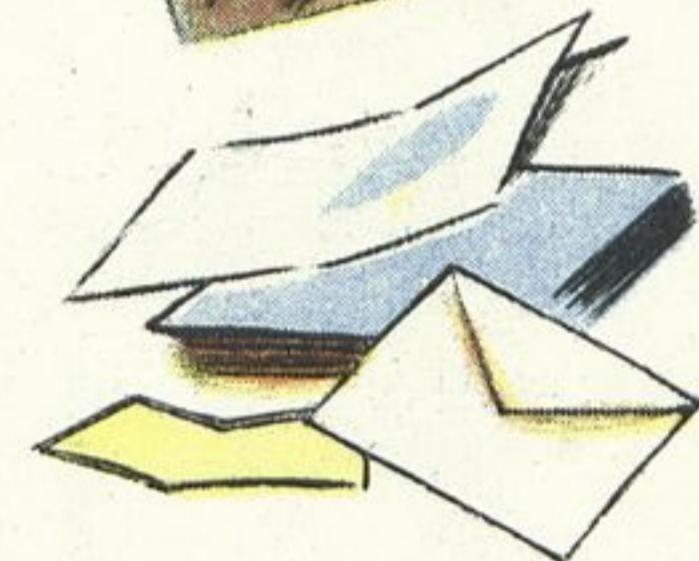
— Да, — отвечает Маруся. — Вот, глядите.

Маруся наклоняется к газете, в которую завёрнуты документы, и читает водя пальцем:

— Вот это — А. Это — О. Вот это — М. Вот это — Р. Вот ещё Я. Верно? Я и писать умею.

— А ну-ка, — просит Анна Ивановна, — напиши мне что-нибудь. Садись вот на этот стул. На тебе карандаш. На тебе бумагу.

Маруся усаживается и пишет старательно, изо всех сил нажимая карандашом.





— Готово, — сообщает девочка.

Учительница смотрит и видит: девочка написала крупными печатными буквами своё имя: «МАРУСЯ».

— Верно я написала? — спрашивает девочка.

— Не очень. Две буквы у тебя смотрят не в ту сторону. Видишь?

Анна Ивановна подчёркивает карандашом буквы Р и Я.

— Правда! — говорит Маруся. — Читаю я их правильно, а пишу почему-то иногда неправильно.

— А скажи ты мне, Маруся: ты — послушная девочка?

— Очень! — убеждённо отвечает Маруся.

— Ты, значит, спросила у мамы разрешения притти сегодня в школу?

Маруся молчит, потупившись.

— Отвечай, Маруся, — мягко, но настойчиво спрашивает учительница.

— Спросила, — бормочет Маруся.

— И мама отпустила тебя?

— Нет, — вздыхает Маруся.

— Значит, ты не послушалась маму?

— Не послушалась, — шепчет Маруся.

— Почему?

— Я не знаю.

— Ну, а всё-таки?

— Очень захотелось.

— Вот видишь! Значит, ты не такая уж послушная. Мама, наверное, будет очень волноваться, увидев, что ты пропала. Ты об этом не подумала? Ты только о себе думаешь? А ведь в классе у тебя будет сорок товарищей. Как же ты с ними поладишь,

если будешь думать только о себе?

— Не буду, — уверяет Маруся. — Я буду обо всех думать. Вот увидите!

— Увидим, — отвечает Анна Ивановна многозначительно.

Ночь.

Маруся лежит неподвижно, закрыв глаза, но по всему видно — не спит девочка: вздыхает, охает, отдувается.

Наконец открывает она глаза. Приподнимается на постели. Взглядывает на будильник.

Четверть второго.

Маруся в ужасе опускается на подушку.

— Мама! — зовёт она робко. — А, мама! Я жду, жду, а часы с места не двигаются. С ними случилось что-то... Я час лежала, глаз не открывала, а они показывают, что только пять минут прошло... Мама!.. Бабушка!..

Маруся прислушивается.

Ответа нет.

— Бабушка! — зовёт Маруся. — Ведь проспим! Уже первое сентября! Давайте чай пить.

Молчание.

Вдруг Маруся слышит отдалённый гул.

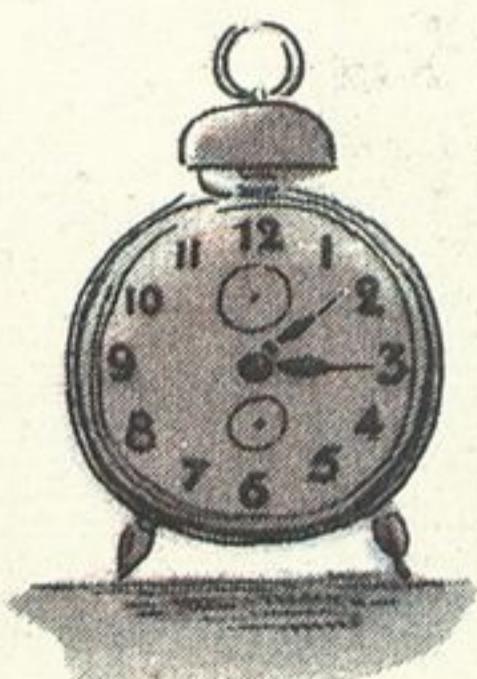
Комната озаряется вспышкой синеватого света.

— Бабушка! — кричит Маруся громко. — Уже трамваи пошли.

Щёлкает выключатель. Зажигается яркая лампочка под потолком. В комнате становится светло.

Мама стоит на пороге, в халате. Улыбается ласково.

Увидев, что мама не сердится, Маруся зовёт её к



себе. Хлопает рукой по кровати рядом с собой.

— Мама, сядь! — просит она. — Мамочка, часы испортились. Первые трамваи пошли, мама!

— Это не первые, трамваи, а последние, дочка, — объясняет мама. — Часы идут как следует. Успокойся, девочка. Ложись. Всё придет в своё время. И солнце встанет, и будильник зазвонит, и ты проснёшься и пойдёшь в школу.

Мама сидит рядом с Марусей и гладит её по голове. Маруся засыпает.

Светает.

На стуле возле Марусиной кровати уже не юбка с ляжочками и белая кофточка, а на их месте — форменное школьное платье, коричневое с чёрным передником.

Маруся спит.

Солнечный луч пробиваеться через штору, освещает отрывной календарь.

Н. АРТЮХОВА

I

Вниз и вверх,
Там и тут
Реки чёрные текут.
Много круглых городов
Без людей и без домов.
Горы плоские совсем,
Не поднимешь их ничем!
Муха села прямо в море,
Не утонет никогда!
Что за реки? Что за море?
Где такие города?

ЗАГАДКИ

II

Почему же, почему же
Корешок снаружи,
А внутри листочки,
На листочках — точки?

III

Вся в полосках, но не тигрица,
Не леопард, а в пятнах.
Никто её не боится,
Но видеть её неприятно.
Очень простая загадка,
Это — моя

ОТВЕТЫ НА ЗАГАДКИ, ПОМЕЩЁННЫЕ В № 8

1. Щётка. 2. Грибы. 3. Василёк. 4. Радуга.

На листке: 1 сентября.

Маруся спит.

Щёлкнув, звонит будильник.

Маруся спит.

Входит бабушка. Открывает штору.

В комнату врывается солнце. Становится совсем светло. Маруся продолжает спать.

— Маруся! — зовёт бабушка. — Внучка! Пора вставать!

Маруся прячет голову под одеяло.

— В школу опоздаешь!

Только тогда Маруся открывает глаза.

Разом садится.

Видит — солнце за окном, улыбающуюся бабушку, весёлую маму в дверях и, наконец, форменное платье на спинке стула.

Маруся вскакивает. Всплескивает руками в восторге.

— Мама! Бабушка! — кричит Маруся. — Наконец-то я иду в школу!



ЛЮСЯ И ВАСИЛЬК

Продолжение. Начало смотри в № 8

Всю обратную дорогу мама молчала: не то сердилась на Люсю, не то думала про что-то своё.

Только и было интересного за всю дорогу, что зашли в магазин да купили вишнёвого варенья. Зато когда вернулись домой, всё стало совсем хорошо. Накрыли стол, зажгли свет и сели вдвоём пить чай с вареньем, будто этого Василька и на свете не было.

После чая Люся построила домик из разрисованных мамой кубиков, а мама взялась за свою работу. Всё было, как всегда.

И завтра, и послезавтра, и после-послезавтра. Всё было, как всегда. Работали, ходили вместе в кино. Один раз даже поехали на автобусе в Парк культуры и отдыха и посмотрелись там в „кривое зеркало“. А про детский дом разговоров у них больше не было.

Но через неделю случилось вот что. Мама вернулась домой с большим-большим пакетом.

— Что там такое? — спросила Люся.

— Не трогай, — сказала мама. — Потом увидишь.

Но Люся не могла дождаться, когда будет „потом“ Она потихоньку подошла к пакету и провертела сбоку дырочку. Внутри было что-то голубое, стёганое, — наверное, одеяло.

— Это тебе или мне? — спросила Люся.

— Кому понадобится, — сказала мама.

Пока Люся смотрела сквозь дырочку на одеяло, мама открыла шкаф и стала разбирать Люсины вещи.

Переднички мама положила отдельно, а башмаки и курточку завернула в глянцевую бумагу и спрятала в портфель.

— Ты куда это хочешь нести мои полусапожки?

— Да ведь тебе они уже давно малы...

— А кому же они не малы?

Мама отложила портфель в сторону,

села в кресло перед столом и взяла Люсю за обе руки.

— Люся, я должна тебе что-то сказать.

— Лучше не говори... Ну, да ладно, скажи.

Мама покашляла и стала зачем-то медленно переплетать Люсины косички.

— Нехорошо, когда девочка растёт, как ты, совсем-совсем одна...

— Ладно, тогда я буду ходить к нашей соседке. Там есть ещё две девочки. Только ихний Саша дерётся.

— Нет, — сказала мама. — Я, Люся, не про то. Давай-ка мы возьмём к себе ещё одного ребёнка. У тебя теперь нет папы, и это большое горе. А есть такие дети, у которых после войны не осталось ни папы, ни мамы. Ты понимаешь, Люсенька, — никого-никого? Вот я и хочу взять такого ребёнка. Я ему буду мамой, а ты — старшей сестрой.

— Ой, — сказала Люся, — ты, кажется, опять про своего Василька?

— Да, про него, — ответила мама. — Про нашего Василька. Я уже получила разрешение его усыновить, и скоро мы его возьмём к себе.

— К себе? Значит, он всегда будет жить у нас? И ты будешь его кормить, спать укладывать, игрушки ему делать?

— Да, — сказала мама.

— Значит, это для него ты одеяло покупала? Новое, голубое?

— Нет, для тебя, дочка. А ему мы отдадим твоё, маленько. Ведь ты уже выросла.

— И сапожки мои ему отдашь, и фартучки?

— Разве тебе их жалко?

— Нет, мне не жалко, а только я этого мальчика почему-то не люблю. Найдём другого.

— Когда же это ты успела его не полюбить?

— А вот когда ты меня в угол из-за него поставила. Раньше этого никогда не бывало!

— Не из-за него, а из-за тебя самой, — ответила мама. — Раньше ты так себя никогда не вела.

А через несколько дней мама с Люсей опять пошли в детский дом.

В детском доме их сразу же повели в комнату директора.

Комната была маленькая, белая, и в ней за столом сидела женщина в белом халате, которую Люся в прошлый раз приняла за доктора.

— Ну, вот и хорошо, — сказала женщина. — Сердечно поздравляю, товарищ Морозова. Признаться, жалковато всё-таки отдавать. Дивный парень!.. Только начнёшь привязываться к ребёнку, и вдруг какая-нибудь мамаша возьмёт его и усыновит.

— Право, мне не хотелось вас огорчать, Антонина Петровна, — сказала мама.

— Да что вы, что вы, голубушка! Я же шучу. Желаю вам вырастить хорошего сына!

В это время в комнату внесли аккуратно завёрнутый пакет.

— Это его приданое, — сказала директорша. — А вот и он сам.

Через порог осторожно, высоко подняв толстую ножку, переступил Василёк. На этот раз он был в новой голубой блузке и причёсан на косой пробор.

— Здравствуй, мой Василёк! — сказала мама.

Василёк протянул ей обе руки, как будто только её и ждал.

Мама посадила его на стул и стала одевать.

Няня помогала ей и приговаривала:

— Мал, конечно, а свой интерес, небось, понимает. Схлопотал себе в мамы такую приятную гражданочку!

Мама засмеялась, и директорша засмеялась, а Люся даже и не улыбнулась. Она молча сидела на стуле и смотрела, как мама надевает на Василька её красные полусапожки.

— Ну что, нравится тебе твой братик? — спросила Люсю директорша.



— Ничего, — сказала Люся и отвернулась, чтобы не видеть, как мама надевает на Василька её синюю курточку с золотыми пуговками.

И вот надели на Василька курточку. Повязали платочек, чтобы уши не проудило. Поверх платочка надели шапочку, как надевали Люсе, когда она была маленькой.

Потом стали прощаться. Все вышли провожать их на лестницу — директорша, няня, даже повариха. Машут им руками, кричат вслед:

— Будьте здоровы! Нас не забывайте, заходите с детками!

А повариха говорит:

— В воскресенье приходите. Такого наварю киселя для вашего Василя! Самого его любимого — вишнёвого!

А Васильку тяжело. Сам он толстый, и пальтецо на нём очень толстое. Мама взяла его на руки и снесла с крутой лестницы. Вышли на улицу, на солнышко. Мама хотела спустить Василька на землю, а он ухватил её за шею обеими руками и только одно повторяет: „Мумуля мух!“ да „мумуля мух!“

Тут уж Люся не выдержала:



— Мамочка! Дорогая! Красавица! Отнесём его обратно, пока недалеко ушли. Ведь они же любят его, как родного, отдавать даже не хотели. Так всё было хорошо. Ну, пусть он и сапожки мои берёт, и одеяло, что ты мне купила, и все мои игрушки. Только пусть он здесь останется. А, мама?

— Нет, — сказала мама. — Он будет жить у нас.

— Ну, тогда я здесь останусь... в детском доме!

— Хорошо, — сказала мама, — оставайся. — И пошла вперёд с Васильком.

Люся немного постояла у крыльца, а потом молча пошла за мамой.

Так они дошли до конца переулка. Тут мама, видно, устала или, может быть, ей сделалось жалко Люсю, только она спустила Василька на землю.

— Пойдёмте, дети, — сказала она и протянула Люсе свободную руку.

Но Люся притворилась, что не заметила мамину руку, и засунула свои поглубже в муфточку. Так они и пошли: Люся — сама по себе сзади, а мама с Васильком — вместе впереди.

Перекатывается Василёк рядом с Люсиной мамой, переваливается в своём тёплом пальтишке, в красных полусапожках. На голове у него косыночка, чтоб в уши не надуло, сверх — тёплая шапочка.

И вот они дошли до перекрёстка. До большой улицы.

На большой улице бегут машины, троллейбусы, трамваи, торопятся прохожие.

— Люся, где ты, Люся? — говорит мама.

— Тут, — отвечает Люся, а руку маме не подаёт.

Постояли они у самого светофора, подождали, пока зажёгся зелёный свет.

— Переходите, дети, — говорит мама. — Скорей, скорей!..

А Люся и тут маме руку не подаёт. И вдруг повернулся к Люсе Василёк. Видно, испугался автобуса. Повернулся и протянул ей свою маленькую пухлую ручку. Тянет, тянет ручонку и смотрит Люсе прямо в глаза. А глаза у него, как пуговицы на мамином пальто, — такие же большие, только синие.

— Идёмте, идёмте, дети, — торопит мама.

И Люся, не подумавши, взяла Василька за руку.

Она и не знала, что у него такая мягонькая, тёпленькая ручонка, с такими крохотными ноготками, лопаточкой.

— Уся! — говорит Василёк.

— Что? — спросила Люся.

А он смеётся и всё повторяет: „Уся, Уся!“ — видно, доволен, что научился её называть.

Так они и подошли к остановке трам-

вся — втроём. Ждать им пришлось долго. Народу собралось много.

— Подержи его, Люся, — сказала мама, — я деньги приготовлю.

Как только трамвай вышел из-за угла, люди засуетились, стали продвигаться вперёд, совсем затолкали Люсю и Василька. Люся невольно разжала руку, и в ладони у неё стало пусто.

— Василёк! — сказала она, стараясь ухватить его снова за ручку. Но Василька уже не было там, где он только что стоял.

Люся толкнула какого-то высокого дяденьку, заглянула через чей-то большой мешок. Нет Василька!.. Нигде нет! Потерялся... Ой, беда какая!..

...Она сразу вспомнила станцию, на которой она сама чуть-чуть не затерялась в толпе, между поездами. А ведь Василёк ещё меньше, чем была она тогда.

— Мама! — закричала Люся и захлебнулась от тревоги. — Потерялся!..

Но Василька уже передавала маме на руки какая-то старушка. Пальтишко у него расстегнулось, шапочка сбилась на одно ухо.

— Ишь ты, какой лихой! — сказала старушка.

Люся засмеялась: у Василька и в самом деле был лихой вид.

— Ты уж, мама, держи его покрепче, — сказала она, — а то затопчут. Тётины, пропустите нас! Разве не видите, — мы с ребёнком!

Женщины расступились, и мама с Люсей и Васильком вошли в трамвай.

Василёк пристроился на скамейке и, стоя на коленках, смотрел в окошко. Люся села бочком, заслонив калошки, чтобы он не измазал чужого пальто, и стала тихонько называть ему всё, что мелькало за окном:

— Это троллейбус, автобус, аварийная машина. Понимаешь? Аварийная машина.

Василёк молчал и, только когда трамвай обогнал человека с собакой, сказал громко, на весь вагон: „Бабака!“

— Детки у вас какие хорошие, дружные, — сказал кто-то из соседей.

Мама улыбнулась и кивнула головой.

Как только приехали домой, мама ушла в булочную за хлебом.

— Посмотри за малышом, Люсенька. Я скоро вернусь.

Люся сама сняла с Василька пальтишко, платок, шапочку, причесала ему волоски, а потом взяла его за руку и стала водить по комнате.

— Вот тут мы обедаем. А это — письменный стол. Понимаешь? А в этом ящике — игрушки. Мы их потом посмотрим. А здесь ты будешь спать. Хорошая кроватка, мягкая, — хочешь попробовать, полежать?

Она сняла с Василька башмачки, с трудом подняла его и уложила.

Но Василёк сразу же встал на ножки, потрогал гвоздик в стене и посмотрел на карточку, которая висела над кроватью.

— Это наш пapa, — сказала Люся.

— Папа, — повторил Василёк.



О ПУТЕШЕСТВЕННИКАХ С КРЫЛЬЯМИ И БЕЗ КРЫЛЬЕВ, С ЛАПАМИ И БЕЗ ЛАП



А. ШАРОВ

Оказывается, вороны тоже на зиму отправляются в тёплые края. Когда под Ленинградом облетают деревья и тонкий ледок появляется на лужах, они собираются на совещание. Самая старая и уважаемая ворона хрипло прокаркает:

— Мне холодно! Перо к перу примерзает. Пора в путь!

Все согласятся с нею, поднимутся в воздух, оглянутся ещё раз на старые летние квартиры и улетят на юг — во Францию.

А на смену им с севера, из Финляндии, прилетит другое племя ворон.

Но вороны отправляются на дачу всего за несколько сот километров. А есть такая неутомимая, быстрая и смелая птица — плавунчик. Он летит в тёплые края за пятнадцать тысяч километров. Через моря и океаны, над пустынями и снежными горами, дальше и дальше... Полтора месяца, не зная устали, летит плавунчик.

Знаете, тяжелее всего над пустыней. Какой мёртвый, безжалостный жар поднимается от земли! А посмотришь вниз — ни рощи, где бы отдохнуть, ни ручья, чтобы напиться воды.

В Казахстане, над степью, которую называют Голодной, пролегает одна из больших „птичьих дорог“. Весной и осенью в воздухе тут людно, как на Ленинградском шоссе в день футбольного матча. Стая за стаей летит в высоком синем небе. Иногда какой-либо крылатый путешественник изнеможет, камнем упадёт вниз.

— Жарко! Нет воды! — жалуются птицы.

Я знал в Караганде человека, который задумал построить зелёную станцию для птиц, пролетающих над городом через Голодную степь.

— Но у нас не могут расти деревья, — говорили люди, которые давно живут в Голодной степи. — Это пустыня, мёртвая земля!

— Могут, — упрямо отвечал этот

Рис. М. БУТРОВОЙ

человек. — Должны расти — и будут расти!

Сперва насадил он сад у себя во дворе. Тополя задыхались от зноя, от пыли, но всё же корни их добрались до подземных вод, которые никогда не высыхают, даже под самым жарким солнцем. Деревья окрепли, заселенели.

Тогда решили разбить в городе большой парк. Теперь он виден на сотни километров и совсем изменил пустынную Голодную степь. Может быть, пока вы читаете эти строки, где-либо в Африке, на Золотом берегу, между птицей, прилетевшей раньше, и той, которая прибыла только что, происходит следующий разговор:

— Вы не устали, милая?

— Нет! Представьте себе, мой сын... Сиди спокойно, Пиги, и не мешай старшим беседовать! Мой сын совсем выбился из сил, но вдруг мы увидели чудесный тенистый лес. Это в самом сердце Голодной степи. Лес спас моему сыну жизнь!

...Надо сказать, что не только птицы отправляются в далёкие путешествия за океан.

В одном из портов, на пароходах, прибывших из тропических стран, были обнаружены следующие безбилетные пассажиры: семь различных змей, четыре ящерицы, множество пауков и моллюсков.

Они забились в тёмный трюм, прятались в груде бананов или кокосов и спали, пока корабль пересекал океан.

К нам в Одессу приехали тропические термиты. По мостам, построенным человеком, суслики перебирались на другой берег больших рек и завоёвывали новые пространства.

Есть такое злое и жадное животное — китайский краб. Однажды паре китайских крабов надоело у себя в стране. Дело в том, что они съели в реке, где жили, всех

Пора в путь!

Плавунчик.



Вот они, безбилетные пассажиры.



Китайские крабы.

рыб и решили поэтому отправиться в дальнюю дорогу.

— Держись! — сказал краб своей жене.

Он впился клещами в старый, источенный червями киль корабля и поплыл по реке. Потом — морем. Волны становились холоднее, выше. И наконец они высадились на побережье Балтики.

— Ну, вот и приехали! — пробормотали оба краба в один голос, немного отышавшись.

На беду, китайским крабам — истребителям рыб — понравились новые места, и они заселяют реку за рекой, страну за страной — на горе рыболовам.

Учёные подумали: раз вредные животные, вроде китайского краба, и всякие случайные путешественники — змеи, пауки — находят себе новую родину за тысячи километров от места, где они родились, то, вероятно, можно расселить по белому свету и полезных животных.

В Чёрном море водится вкусная рыба — кефаль. Её перевезли в Каспийское море.

Американскую рыбку гамбузию, которая пожирает личинки малярийных комаров, на самолёте доставили в Закавказье и в Среднюю Азию.

Австралийская кошениль, завезённая на юг Европы и Америки, уничтожала урожай лимонных и апельсиновых плантаций. Люди не знали, как справиться с опасным вредителем. Потом вспомнили, что у себя на родине, в Австралии, кошениль имеет естественного врача — австралийскую божью коровку. Эту божью коровку заботливо погрузили в ящики и перевезли через океан. Она смело ринулась в бой, уничтожая кошениль.

Так путешествуют разные животные — полезные и вредные, с крыльями и без крыльев, с лапами и без лап, по своей воле и по воле человека.

Человек уже сейчас вмешивается в звериные переселения. А к тому времени, когда вы подрастёте, расселять всевозможных птиц, зверей и рыб будут по плану.

Вероятно, будет создан такой „Штаб переселения полезных жи-

вотных“. На стенах и столах будут висеть и лежать подробные карты. Придут разведчики и доложат начальнику штаба:

— Обнаружен лес, где живут только одна старая лиса, волк и три зайца. И рядом в большом озере только десять тысяч рыб, а могли бы жить — миллионы.

Тогда специальные поезда повезут в пустой лес белок, или, может быть, зубров или лосей. Сматря по тому, где расположен этот лес.

„Штаб переселения полезных животных“ будет следить за тем, чтобы зверю хватало корма в злую, снежную зиму, чтобы птицам было где передохнуть во время „великих перелётов“. На специальных картах будет отмечаться, как расселяются звери.

Специальные работники, которые лучше даже, чем сами звери, знают нравы и нужды животного мира, будут следить, чтобы не вымер ни один из полезных зверей.

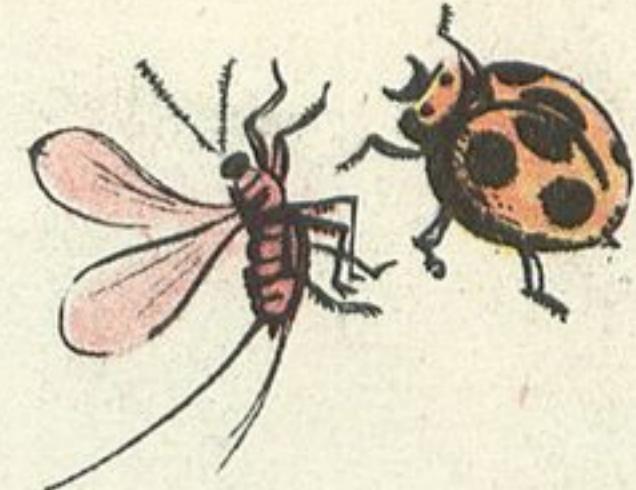
Не так давно, например, в Новой Зеландии жил замечательный бескрылый страус — моа. Ростом эта быстрая на бегу, красивая и сильная птица в два раза больше человека. Но охотники перебили почти всех моа. А потом на островке, где сохранилось последнее стадо гигантских страусов, произошло извержение вулкана. Лава догнала птиц, мчавшихся в ужасе от раскалённого потока, и уничтожила их. Так не стало на земле моа.

В Европе почти вымерли зубры — благородные звери, тысячами населявшие в прежние времена леса. Бобры стали настолько редки, что у них нехватает сил строить свои замечательные плотины, без которых они не могут существовать.

В нашей стране уже положено начало сбережению вымирающих животных. В специальных заповедниках зубры и бобры находятся под охраной государства.

А когда вырастете вы, „Штаб переселения полезных животных“ поможет бобрам, зубрам, лосям, соболям расселиться по всей стране, во всех тех лесах, где они когда-то властвовали.

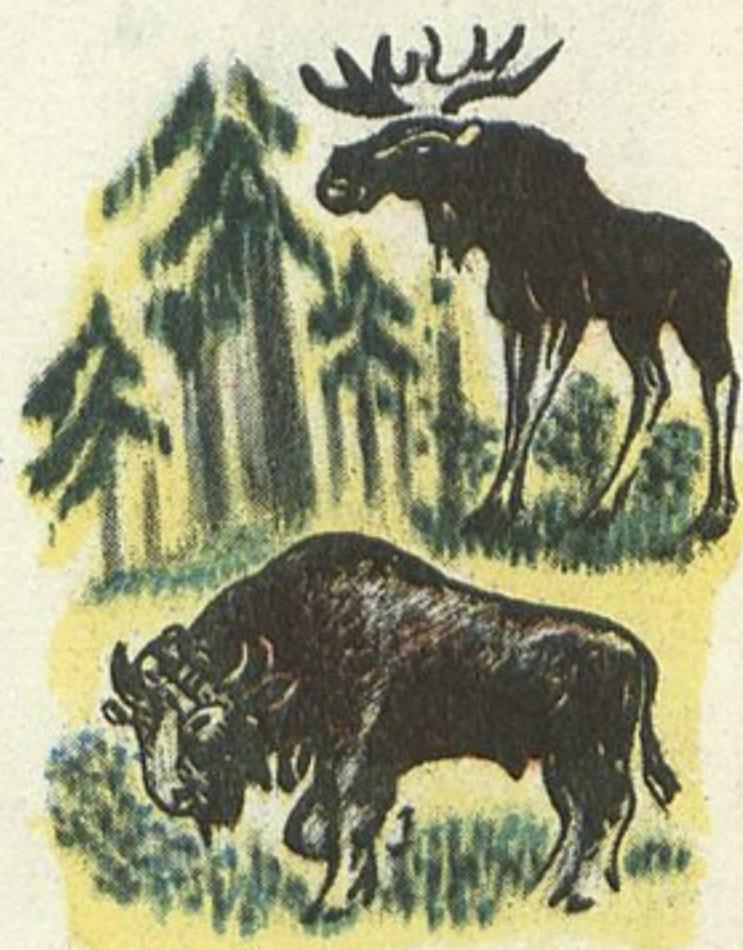
Не знаю, как вы, а я очень хотел бы поработать в таком штабе!



Австралийская божья коровка — „кардинал“ — нападает на кошениль.



Бескрылый страус — моа.



Лось и зубр.



Бобры.

Рис. В. ГОРЯЕВА



Быстро лето пролетело,
Школьникам пора за дело.
Здравствуй, радостный денёк!
Путь до школы недалёк...

Мы дорогу знаем сами,
В школе встретимся с друзьями.
Посмотрите-ка на нас:
Стали старше мы на класс!

На обложке рисунок А. РАМОДАНОВСКОЙ — Москва, Охотный ряд

Редколлегия: М. АДРИАНОВА, А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ, В. БИАНКИ, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, М. МИХАЙЛОВА, С. МИХАЛКОВ
Л. ПАНТЕЛЕЕВ, В. СЕМЕНОВ (редактор).

Рукописи не возвращаются

Тех. редактор З. В. ТЫШКЕВИЧ

Год издания двадцать четвёртый

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К 5-82-91. Подписано к печати 10|IX 1947 г. А08742. Объем 3 печ. л. 2,8 уч.-изд. л.
83 000 зн. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 1656.

Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, Сущевская, 21.